

УДК 94:335.352.6(574/575) «15/19»

Роль казачества в системе международных отношений на территории Центральной Азии

М.Г. Тарасов

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 79, Красноярск, Россия
mihell@ngs.ru

Статья поступила 18.04.2016, принята 13.06.2016

В статье рассматривается роль казачества в системе международных отношений на территории Центральной Азии в конце XVI — начале XX вв. Основное внимание уделяется участию казаков в процессе расширения границ Русского государства в регионе и колонизации завоеванных территорий. В работе анализируются военные и социальные характеристики казачества, определившие его решающий вклад в процесс экспансии России в Центральной Азии, а также рассматривается изменение уровня взаимодействия казаков с государством. Особое внимание уделяется вкладу казачества в поддержание международной стабильности и защиту позиций России в регионе в конце XIX — начале XX вв.

Ключевые слова: казачество; Центральная Азия; территориальная экспансия; международные отношения.

The role of the Cossacks in the system of international relations in Central Asia

M.G. Tarasov

Siberian Federal University; 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russia
mihell@ngs.ru

Received 18.04.2016, accepted 13.06.2016

The article presents the role of the Cossacks in the system of international relations in Central Asia at the end of the XVI – the beginning of the XX centuries. Main attention is paid to the Cossacks' participation in the expansion process on Russian state boundaries in the region and in the colonization of territories conquered. The author studies Cossacks' military and social characteristics, determined their decisive contribution to the expansion process of Russia in Central Asia, and the author also presents the change of the coordination level of the Cossacks and the state. Special attention is paid to the Cossacks' contribution to maintaining the international stability and protecting Russian position in the region at the end of the XIX – the beginning XX centuries.

Key words: the Cossacks; Central Asia; territorial expansion; international relations.

На протяжении длительного времени, со второй половины XVI и до начала XX вв. казачество оказывало значительное влияние на положение России в системе международных отношений на территории Центральной Азии. Расширение границ России, освоение завоеванных территорий, защита их от внешней угрозы, продвижение интересов государства на сопредельных территориях — все это было заслугой казаков.

Таким образом, изучение роли казаков в жизни региона на протяжении всего рассматриваемого периода, второй половины XVI – начала XX вв., представляется абсо-

лютно необходимым для объективного анализа положения России в системе международных отношений в Центральной Азии.

Хронологические и территориальные рамки работы обусловлены временем, когда значительная часть Центральной Азии входила в состав России, и русское государство было непосредственно включено в систему международных отношений региона. Следует оговорить, что под Центральной Азией понимается территория, ограниченная с запада Каспийским морем, с востока — Алтаем, с севера — таежными лесами Западной

Сибири, а с юга — горными хребтами Копетдага, Памира, Гиндукуша и Тибета.

Причины значительного влияния казаков на систему международных отношений в Центральной Азии в XVI — начале XX вв. заключались прежде всего в их высоком военном и колониационном потенциале, свойственном, впрочем, казачеству любого региона.

С момента своего появления в Центральной Азии в начале — середине XVI в. казаки всегда представляли собой значительную военную силу. Относительно многочисленные яицкие, волжские, сибирские, а позднее оренбургские и семиреченские казаки в военном отношении были сильны профессионализмом, так как их жизнь с молодых лет была неразрывно связана с участием в боевых действиях. На раннем этапе существования казачества, до установления над ним контроля государства в начале XVIII в., казачество в значительной мере формировалось на добровольной основе, что было формой естественного отбора наиболее воинственных, сильных, инициативных мужчин. Немаловажно и то, что казаки были спаяны в бою взаимовыручкой, так как их подразделения формировались из односельчан и родственников. Казаки отличались высокой психологической, физической, культурной устойчивостью, выработанной в течение длительного времени существования во враждебной иноэтнической и природной среде.

В военном отношении казаки представляли собой высокоманевренную кавалерию, способную в экстремальных природно-климатических и военно-политических условиях решать масштабные военные задачи, используя минимум ресурсов, что важно, самостоятельно полученных в местах оперирования.

Одновременно с этим, казачество было ценной колониационной массой, способной в короткий срок освоить и накрепко привязать к России вновь завоеванные территории со сложными природными, социальными и политическими условиями.

В Центральной Азии все упомянутые характеристики казачества оказались максимально востребованными и стали важнейшим фактором, обусловившим значитель-

ное влияние казаков на международные отношения в регионе.

Россия утвердилась в северной части Центральной Азии, Южной Сибири, в конце XVI — начале XVII вв. силами, прежде всего, казаков. Поход дружины волжских казаков Ермака (Василия Тимофеевича Аленина) в конце XVI в. против Сибирского ханства стал началом активного продвижения России в Северную и Центральную Азию. Уже в середине 1580-х гг. Русское государство смогло занять прочные позиции в Южной Сибири, то есть, собственно, в северной части Центральной Азии. В этот период Россия установила контакты с народами, населяющими регион: калмыками, казахами, сибирскими татарами, узбеками [4, с. 25–27].

Еще раньше, в середине XVI в., волжские, а по другим сведениям донские казаки заняли территории в среднем и нижнем течении р. Яик (Урал), на северо-западе Центральной Азии, где возникло Яицкое (Уральское) казачье войско (1550-е гг.). Здесь, однако, продвижение казаков вглубь Центральной Азии остановилось до середины XIX в. Это было связано прежде всего с тремя факторами: во-первых, относительной малочисленностью яицких казаков, которых до конца XVII в. было не более нескольких тысяч; во-вторых, степным ландшафтом и относительной близостью к сильным государствам Центральной Азии — Джунгарскому ханству, Бухарскому эмирату, Хивинскому и Кокандскому ханствам, многочисленные воинские формирования которых сдерживали экспансию казаков; в-третьих, фактической независимостью яицких казаков от русского государства, что обуславливало и отсутствие со стороны России действенной поддержки казаков в деле установления контроля над близлежащими территориями Центральной Азии. Так или иначе, на протяжении второй половины XVI — первой половины XIX вв. ситуация на северо-западной границе Центральной Азии стабилизировалась и характеризовалась напряженным военным равновесием между яицкими (уральскими) казаками и кочевыми народами региона [13].

В своей попытке установить контроль России над государствами Средней Азии, наладить экономические отношения с Вос-

точным Туркестаном и Индией Петр I в начале XVIII в. также опирался прежде всего на казаков — яицких, гребенских и терских. Несмотря на первоначальный успех, эта попытка закончилась неудачей. В 1717 г. по причине крайне некомпетентного руководства князя А. Бековича-Черкасского экспедицией в Хиву русский отряд, включавший в том числе 500 яицких казаков, был полностью уничтожен хивинцами [1, с. 186]. После этого русское продвижение в Среднюю Азию было надолго остановлено. На длительное время р. Яик стала границей между Россией и степью, а яицкие (уральские) казаки — ее стражами.

Параллельно с форсированным военным продвижением России в Центральную Азию с юго-восточного направления, через р. Яик на Хиву, в начале XVIII в. русское правительство активизировало свои действия и на южном направлении. Здесь, впрочем, следует отметить, что подобная активность объяснялась не столько стремлением к территориальному расширению, сколько желанием обезопасить русские территории в Южном Приуралье и Западной Сибири. Вместе с этим, строительство в годы царствования Петра I экспедицией под командованием И.Д. Бухгольца цепи крепостей в Южной Сибири — Омска и Ямышевского острога в 1716 г., Железинской крепости в 1717 г., Семипалатинска, Полон-Карагайской и Убинской крепостей в 1718 г., форпоста Коряковского (с 1861 г. Павлодар) и Усть-Каменогорска в 1720 г. стало важнейшим этапом в установлении контроля России над Центральной Азией. Укрепления эти строились для противодействия господствующему в тот период в Центральной Азии Джунгарскому ханству. Гарнизоны укреплений состояли как из регулярных частей — солдат и драгун, так и из казаков. Позднее, ввиду большей эффективности конных казаков в боевых действиях со степными кочевниками и, главное, существенной дешевизны их содержания, гарнизоны крепостей Южной Сибири практически полностью стали казачьими [4, с. 47, 50]. Опираясь на эти крепости, гарнизоны которых составляли преимущественно казаки, а гражданское население — их семьи, Россия в первой трети XVIII в. установила свой контроль над тер-

риторией степной зоной Южной Сибири (Северным Казахстаном).

Для решения этой же задачи (установления и поддержания контроля над кочевым населением севера Центральной Азии) на западе региона, в верхнем течении р. Яик, в 1748 г. из городских казаков Поволжья, уральских и украинских казаков было создано Оренбургское казачье войско, ставшее во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. одним из самых многочисленных в России [6, с. 291].

На северных границах Центральной Азии в 1740–60-х гг. Россией были учреждены Ишимская, Иртышская, Кольванская и Кузнецкая линии, которые часто объединялись общим названием «Сибирская линия». В 1764 г. казаки, проживавшие на укрепленных линиях Южной Сибири и составлявшие гарнизоны их укреплений, стали называться «сибирской линии казаки» [9, с. 32–46]. До середины XVIII в. в Центральной Азии укрепленные линии с казачьими гарнизонами противостояли воинственному Джунгарскому ханству, предъявлявшему претензии на земли Южной Сибири, а после его разгрома — Цинскому Китаю и среднеазиатским государствам: Хивинскому и Кокандскому ханствам и Бухарскому эмирату.

В 1808 г., частично из казачьего населения юга Западной Сибири, проживавшего там с конца XVI в. и составлявшего гарнизоны сибирских укрепленных линий, а частично из вновь поверстанных в казачество крестьян, солдат и инородцев было создано Сибирское казачье войско, обширная территория которого включала большую часть современного Казахстана [6, с. 274]. Сибирское казачье войско, изначально создававшееся для защиты южных границ в Южной Сибири, со временем стало одним из главных инструментов осуществления контроля России в Центральной Азии. Характерно, что фактически двукратное увеличение численности сибирских казаков в 40-х гг. XIX в. за счет принудительного верстания в казаки местного крестьянства стало преддверием эпохи стремительного продвижения русского государства вглубь Центральной Азии и включения новых территорий региона в состав России [15, с. 7-8].

Еще одна попытка России установить свой контроль над Центральной Азией и проникнуть в Индию была предпринята в 1801 г. также силами казачества. Павел I отправил в Индийский поход более 20 тыс. донских казаков с артиллерией. Казаки получили задание на первом этапе захватить территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата, а затем идти «на реку Индус и на заведения английские, по ней лежащие». Интересно, что завоевание Индии должно было осуществиться силами исключительно казаков, без привлечения регулярной пехоты и кавалерии. Экспедиция, которая должна была утвердить Россию во владении Центральной Азией, имела значительные шансы на успех, однако была свернута по причине политических изменений в Санкт-Петербурге [7, с. 296–304]. С этого предприятия, тем не менее, можно начать отсчет времени «большой игры» – противостояния России и Великобритании в борьбе за контроль над Центральной Азией. Ударной силой в этом противостоянии со стороны России были казаки, благодаря которым Россия вышла победительницей в этом соперничестве и смогла установить контроль над большей частью Центральной Азии.

В 40-х годах XIX в. начался новый этап военного продвижения России в Центральную Азию. Вместо пассивной обороны русских границ в степной зоне, от р. Урал и до Алтая, имевшей место с середины XVIII в., на Оренбургской и Сибирской укрепленных линиях было начато активное наступление вглубь степи. Для этого численность Сибирского и Оренбургского казачьих войск была значительно увеличена. Результат не замедлил сказаться. Уже в 1864 г. Оренбургская и Сибирская линии сомкнулись. В 1865 г. русскими войсками был взят Ташкент, что стало началом установления контроля России над государствами Средней Азии. До начала 1880-х гг. вся территория Средней Азии до границ Персии, Афганистана и Китая вошла в состав Российской империи. Значительную роль в этом процессе сыграло казачество, которое в военном, бытовом и культурном отношении показало себя наиболее эффективной силой в процессе военной, хозяйственной и культурной экспансии России [3].

По итогам военной экспансии в Центральную Азию в середине XIX в. в самом центре региона, в Семиречье, в 1867 г. из 9-го и 10-го полков Сибирского казачьего войска, дислоцировавшихся в Семиречье, была создана казачья административно-территориальная и военная единица — Семиреченское казачье войско [6, с. 335]. Очевидно, что Россия стремилась прочно закрепиться на своих новых землях именно силами казаков [12].

В ходе антикитайского восстания народов Восточного Туркестана во второй половине XIX в. русские войска заняли Илийский край и в течение 1871–1882 гг. удерживали его под своим контролем силами, прежде всего, казачьих частей Семиреченского войска [8, с. 117–119]. После вывода русских войск по Петербургскому договору 1881 г. русские консулы в Синоцзяне имели право на казачьи конвои, которые представляли собой не только реальную воинскую силу, но и демонстрировали особый статус России в регионе. В частности, британские консулы, не имевшие подобных конвоев, несмотря на имевшиеся у них финансовые и политические возможности, значительно проигрывали русским в глазах местных жителей [2, с. 194].

В конце XIX в. казаки оказали решающее влияние в борьбе за Памир трех империй — Китайской, Британской и Российской. В 1888–1889 гг. Б.Л. Громбчевский с отрядом в несколько казаков смог через Памир проникнуть в верховья р. Инд, до границ английских владений, таким образом, блестяще продемонстрировав реальную возможность экспедиции русских войск в Британскую Индию. Правитель Хунзы, одного из ханств в верховьях Инда, даже обратился к России по поводу принятия своего государства в ее состав. Несомненно, все это резко усилило позиции России в регионе и заставило считаться с ее интересами соседние страны — Великобританию, Китай и Афганистан [11, с. 84]. Характерно, что в данном случае казаки, даже не участвуя в боевых действиях, оказывали серьезное влияние на геополитическую борьбу в регионе. Руководство Британской Индии вынуждено было постоянно учитывать возможность рейда казаков через Афганистан на территорию этой важнейшей английской колонии. Так,

генерал Робертс после взятия русскими войсками Мерва в 1884 г. полагал, что «недолго осталось ждать того момента, когда казаки будут купать своих лошадей в водах Инда» [14, с. 207].

В 1891–1894 гг. оренбургские казаки, участвовавшие в памирских экспедициях под началом полковника М.Е. Ионова, внесли решающий вклад в присоединение этого региона к России. Благодаря их усилиям китайские и афганские воинские отряды были частично уничтожены, частично вытеснены с территории Памира, и регион практически полностью перешел под контроль Российской империи, что вынужденно признала и Великобритания [10, с. 225].

В ходе «большой игры» именно казачество рассматривалось в качестве наиболее эффективной силы для защиты интересов России в противостоянии другим государствам региона — Англии, Китаю, Афганистану, Ирану.

В дальнейшем, с завершением в конце XIX в. экспансии России в регионе, казаки были силой, удерживавшей в составе империи принадлежащие ей территории — Среднюю Азию и степные районы Южной Сибири (Казахстан). Это было наглядно подтверждено решающей ролью казачества в подавлении антирусского восстания народов региона в 1916 г. Для подавления восстания были задействованы казаки всех четырех казачьих войск региона — Уральского, Сибирского, Оренбургского и Семиреченского. Характерно, что именно сибирский казак, полковник П.П. Иванов был отозван с германского фронта и назначен губернатором Семиреченской области, на территории которой находился центр восстания. Решительными действиями, используя преимущественно силы казаков, он в короткие сроки смог подавить масштабное восстание, охватившее значительные территории русской Центральной Азии [3, с. 547]. Кроме того, казаки рассматривались русским правительством в качестве гаранта сохранения Центральной Азии в составе России. Для этого они должны были стать и главным колонизирующим элементом. Об этом, в частности, говорит запись в дневнике туркестанского генерал-губернатора, командующего Туркестанским военным округом и по совмести-

тельству наказного атамана Семиреченского казачьего войска А.Н. Куропаткина от 13 сентября 1916 г. Он пишет о намерении представителя министерства земледелия и государственных имуществ Татищева отобрать у казахов 70 тыс. десятин земли для того, чтобы увеличить казачьи наделы до положенных казакам 30-ти десятин [5].

Революционные события 1917 г. и Гражданская война кардинально изменили положение казачества в Центральной Азии. Выступив на стороне противников Советской власти, казаки по итогам войны были уничтожены как особая социальная группа. Это достигалось прежде всего за счет понижения социального статуса, ликвидации привилегий, подрыва экономической основы существования. Вкупе с массовой гибелью казаков во время Гражданской войны и послевоенных репрессий, массовой эмиграцией казачества это привело к полному устранению влияния казаков на международные отношения в регионе.

Таким образом, можно сказать, что завоевание и контроль России над территорией Центральной Азии, Средней Азией и Казахстаном, во второй половине XVI — начале XX вв. осуществлялся силами четырех казачьих войск — Уральского (Яицкого), Оренбургского, Сибирского и Семиреченского. В экстренных случаях, связанных прежде всего с расширением границ России в регионе, могли также использоваться силы других казачьих войск — Терского, Гребенского, Донского и др. Результатами такой политики было непрерывно усиливающееся на протяжении всего рассматриваемого периода влияние России на систему международных отношений в Центральной Азии, перешедшее во второй половине XIX в. в прямое доминирование. Казаки выступали не только как военная сила, обеспечивающая завоевание новых земель, но и как важнейший колонизационный элемент, способный надолго закрепить вхождение в состав России вновь присоединенных территорий, а затем осуществлять на них полицейский контроль. Не менее важно и то, что казаки, как правило, выступали в качестве пограничной стражи, оберегавшей границы России в Центральной Азии от внешней угрозы, но в то же время являлись таковой для

других государств региона, в данном случае неважно — реальной или мнимой. В любом случае, казачество являлось важнейшим фактором, влиявшим на систему международных отношений в регионе.

С падением в 1917 г. императорской власти и последующим упразднением (уничтожением) казачества влияние России в регионе оказалось фактически утрачено.

Литература

1. Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольство флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу. (1714 – 1717 гг.): библиографическая моногр. СПб.: Типография Р. Голике, 1891. 239 с.
2. Галиев В.В. Российские консульства в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.). Алматы: Атамур, 2011. 464 с.
3. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Полиграф, 2010. 575 с.
4. История казачества Азиатской России: в 3т. Т.1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 319 с.
5. Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана [Электронный ресурс] // Central Asia & Central Caucasus Press AB: электрон. журн. URL. http://www.cac.org/journal/11-1997/st_13_kaganovich.shtml (дата обращения: 08.06. 2016).
6. Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей: справочная книжка императорской главной квартиры / сост. В.Х. Казин. М.: [б.и.], 1992. 467 с.
7. Краснов П.Н. История донского казачества. Очерки истории Войска Донского. М.: Язуз: Эксмо, 287 с.
8. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (Вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003. 346 с.
9. Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: науч.-метод. и информ. альманах. Тюмень, 2007. Вып. 16. С. 32-46. Изд. Комитета по делам национальностей Тюмен. обл. и Дворца нац. культур «Строитель».
10. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 406 с.
11. Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи. СПб.: Алитея, 2013. 248 с.
12. Тарасов М.Г. Семиреченское казачество в имперском пространстве России // Гуманитарные науки. 2013. № 6 (1). С. 74-84.
13. Тарасов М.Г. Факторы и динамика численности яицкого (уральского) казачества в XVI – начале XVIII вв. // В мире научных открытий. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 7.1 (55). С. 479-491.
14. Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004. 640 с.
15. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М.: Центрполиграф, 2004. Кн. 1. 752 с.